

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт философии

Кафедра философской антропологии

Империя: встреча с Чужим

Выпускная квалификационная работа

Студента 4 курса дневного отделения

Мохноброва Андрея Андреевича

Научный руководитель:

К.ф.н. доцент **Говорунов А.В.**

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение к работе.....	3
Глава 1. Империи древности.....	6
1.1 Империя Александра Македонского.....	7
1.2 Римская империя.....	12
Глава 2. Империя и империализм.....	16
2.1 Истоки империализма.....	17
2.2 Новый империализм.....	21
2.3 Тяготы империи.....	25
2.4 Блага империи.....	29
Глава 3. История империи закончена?	32
3.1 Кто такой “Другой”?	33

3.2 Ориентализм.....	34
3.3 Проблема “слепых зон” в понимании “Другого”.....	39
Заключение.....	46
Список литературы.....	48

Введение к работе

Общая характеристика выпускной квалификационной работы

История империи насыщена сюжетами кровавого насилия и несправедливости. Но правы ли те, кто считает её достоянием прошлого? Ведь “век империй” - это нечто большее, чем политическое, экономическое и военное превосходство западной цивилизации. Одним из важнейших процессов, на которых строятся империи, является коммуникация метрополии и колонии. В этом смысле на первый план выступает проблематика, связанная с цивилизационным лидерством и возможностью взаимопонимания между самобытными культурами. Крах колониальной системы, исчезновение формальных империй, переход от миропорядка империй к имперскому миропорядку, заставляют нас обратиться к исследованию смыслового поля имперской ситуации.

Актуальность работы

Актуальность данного вопроса определяется его глобальным значением для всего человечества. В контексте современной политической и культурной конъюнктуры очевидна острая конфронтация Запада и Востока, наблюдается рост националистических сил. Ориентализм, легитимирующий господство Запада над Востоком в условиях отсутствия явленной империи, создает иллюзию всеобщей привлекательности западного пути развития, его ориентиров и ценностей. Следствием этой самоуверенности является право говорить за “Другого”, где “Другой” – любая не-западная цивилизация. Такое положение вещей есть ни что иное как имперская ситуация, имеющая под собой исторически сложившееся основания. Проект мультикультурализма, фундирующий современное общество, не учитывает статусы взаимодействующих субъектов, что приводит к многочисленным межэтническим конфликтам. Появление Исламского государства,

террористические акты в Европе, столкновения с мигрантами, иллюстрируют кризисное состояние прозападной политики. Изучение опыта империи, как гетерогенного пространства взаимодействия культур способно помочь в разрешении данной проблемы, а так же обличить недостатки существующего миропорядка.

Объект и предмет исследования, а также его цель и задачи

Общей темой исследования выпускной квалификационной работы является событие империи, под которым здесь подразумевается область дискретного общественного пространства в своей целостности, где происходит встреча с “Чужим”. **Более частным предметом исследования** станут имперские ситуации, возникающие на определенных исторических этапах развития человечества.

Ключевой вопрос выпускной квалификационной работы будет рассматриваться её автором с позиций наблюдателя исторического процесса. **Целью работы** является выявление причин возникновения кризисного состояния современного общества на уровне цивилизационного противостояния несколько в ином смысле, нежели в небезызвестной концепции “столкновения цивилизаций” С. Хаттингтона. Для достижения намеченной цели автору работы придется сосредоточиться на решении трех основных задач. **Первая задача** будет заключаться в ретроспективе образа империи, чему будет посвящена первая глава настоящей работы. **Вторая задача** будет сводиться к анализу глобальной политики империализма, отражающей специфику империй Нового времени. Изучению данного вопроса будет посвящена вторая глава. **Третья задача** состоит в рассмотрении позиций ориентализма и сопутствующих этому проблем, повергающих современный мир в кризисное состояние.

Теоретические источники

В первой части исследования автор настоящей выпускной квалификационной работы опирался на исторические труды авторов, изучающих империи древности, а так же некоторые философские работы, призванные внести ясность в видение концепта империи. Сюда следует отнести труд Фрица Шахермайра “Александр Македонский”. Здесь же была использована работа М. Фуко “Рождение биополитики”, исследование М. Хардта и А. Негри “Империя” и статья В. И. Уколовой “Империя: исторический опыт Рима”.

Переходя ко второй главе, список задействованной литературы пополнился признанными исследователями истории Британской империи и империализма. Её основой является Нил Фергюсон и его работа “Империя: чем современный мир обязан Британии”. Так же, в фокусе вопроса об империализме, использовались труды: Д. Гобсона - “Империализм”, В.И. Ленина - “Империализм, как высшая стадия капитализма”, Карла Каутского - “Национальное государство, империалистское государство и союз государств”, Ханны Арендт “Истоки тоталитаризма”.

Наконец в третьей главе использован свежий взгляд на современную мировую ситуацию, Эдварда Саида в трудах “Ориентализм” и “Культура и империализм”, Тило Саррацина и его “Германия: самоликвидация”, Рут Бенедикт и “Хризантема и меч”, а так же некоторые мотивы, касающиеся новой истории империи из журнала *Ab Imperio*.

Структура работы

Квалифицированное исследование состоит из введения, трех глав, включающих в себя несколько параграфов, а также заключения и списка литературы. Объем работы 50 страниц, в списке литературы 30 наименований.

Глава 1. Империи древности

Свое исследование я бы хотел начать с ретроспективы образа империи, с некоторых исторически сформировавшихся культурологических и антропологических проблем и особенностей, которые, возникнув во времена империй древности, разносятся громким эхом на протяжении всей истории человечества. Но что мы подразумеваем, когда говорим об империи? Историк Доминик Ливен как-то сказал, что определение империи будет – *“весьма общим и неконкретным, полным идеологических ловушек и совершенно непригодным для применения в актуальных политических дебатах”*, подчеркивая всю сложность её идентификации.¹ Концепт империи вбирает в себя те смыслы, которые мы на него проецируем, интерпретируя историю определенной цивилизации. С течением времени смысловые трактовки империи приняли вполне формализованный вид, в качестве перечня “империобразующих” признаков или спектра дисциплинарной ориентации ученого “империоведа”. Важным моментом в развёртывании события империи оказывается выдвигаемое ею представление об имперской миссии. Империя, если она действительно таковой является, с необходимостью формирует императив, стоящий выше локальных политических интересов и объединяющий население империи перед лицом внешней угрозы, к примеру, со стороны другого императива (“Чужого”). *“... Империя исходит из монополии на подлинную Идею, предлагаемую массам в качестве истины, способной служить антиэнтропийным идеологическим фундаментом общества на данном этапе истории”*.² Вокруг этой истины сплачивается не только исконный имперский народ, но и новоиспеченные члены “имперской семьи”, то есть другие народы, разделяющие идеи империи. А что делать с теми, кто не согласен с имперской идеей? Если они ей чужды? Оставить их в стороне не получится, ибо империи имеют

¹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 17

² Марченя П.П. Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования. М., ИД Акад. Им. Н.Е. Жуковского, 2013. С. 131

тенденцию к расширению границ. Выходит, несогласных чужаков нужно подвести к осознанию имперского блага доступными способами (древние империи строились на завоевании). В заданном фокусе первой главы, будут последовательно проанализированы империя Александра Македонского и Римская империя.

1.1 Империя Александра Македонского

Ярчайшее проявление македонского “империализма” неразрывно связано с личностью Александра Великого. За короткий период его правления (а так же правления Филиппа II), Македония превратилась из рыхлого политического образования в мощнейшую империю. Данная метаморфоза стала выражением личности Александра, его имперского сознания, благодаря которому он сумел воодушевить македонцев идти вместе с ним по пути строительства империи, но, безусловно, этому сопутствовали и объективные причины. Поход эллинской культуры на Восток, был одним из самых выдающихся проектов древности, направленных на реализацию межкультурной коммуникации. Александр продолжил дело своего отца Филиппа II, которому удалось скрепить разрозненные греческие полисы силой македонского оружия. Большинство эллинов разделяли точку зрения знаменитого афинского риторика Исократы, яркого приверженца идеи объединения враждующих полисов под эгидой панэллинской идеи, для борьбы с общим врагом – Персией.³

*“Когда Александр приблизился к берегу, он бросил копье, и оно вонзилось в земли Азии”.*⁴ Стоит отметить, что Александр настаивал на участии в походе философов, поэтов и литераторов, дабы наиболее полно увековечить в слове все нюансы предстоящего путешествия, возвеличить будущие подвиги и более того, усиленно распространять греческую культуру

³ См. об этом: *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., Букинист, 1984. С. 30

⁴ Там же С. 102

на завоеванных территориях. Уже в своем зародыше империя Александра подразумевала культурный диалог. Однако интерес к другим культурам был в большей степени прерогативой будущего властителя империи, но отнюдь не его соплеменников. Война в Персии истолковывалась, в первую очередь, в духе панэллинизма. Македонское войско пронесется по персидским землям, выигрывая одну битву за другой, тесня царя Дария все дальше и дальше вглубь страны. Александр же двинулся в сторону Египта, дабы освободить его от “варварского” ига персов. Греко-египетские отношения всегда были достаточно хорошими - египтяне ценили греков не только как торговых партнеров, но и как союзников в борьбе с персами. Видя военные успехи Александра, египетские жрецы охотно признают в нем нового фараона. Исократ говорил: *“Если сможешь – освободи местных жителей от деспотии варваров и приобщи их к эллинской культуре”*.⁵ Следуя его заветам Александр устраивает в Мемфисе мусические и гимнастические состязания на греческий манер, показывая египтянам все прелести культуры эллинов. Он был рад растущему культурному обмену во время своего победоносного имперского похода и всячески способствовал всесторонней коммуникации с другими цивилизациями. Александр не относился к населению завоеванных или присоединенных стран как к чужакам, напротив, он приветствовал их как равноправных, но других членов его империи. В этом заключался его космополитический пафос. К примеру, в своей империи он использовал египетскую модель административного управления. В самом же Египте, новый фараон решил провести некоторые перестановки в главных отраслях управления, разбавив высшие эшелоны египетской власти своими приближенными разных национальностей.⁶ После основания города Александрии Египет наконец-то вырвался из персидского окружения – путь на север был открыт, ойкумена с радостью принимала пёстрые египетские

⁵ Там же С. 154

⁶ Там же С. 149

товары. Сама Александрия была средоточием эллинской культуры, но помимо греков, там были и египетские поселенцы. Происходил некоторый симбиоз величественных культур эллинов и египтян, взаимное духовное обогащение двух народов. Следующим значимым маркером на пути Александра стала битва с Дарием при Гавгамелах. Вновь объединенное эллинское войско одерживает блестящую победу – противник позорно бежит. Окрыленный победой Александр настигает Дария, но к своему удивлению обнаруживает лишь его бездыханное тело – заговорщики расквитались с ним по-своему. Не такой участи желал Александр своему противнику. Плутарх повествует нам, что царь снял с себя плащ и укрыл мертвого персидского владыку.⁷ Данный жест имел колоссальное значение для новой империи, наравне с броском копья или поджогом дворца в Персиполе. Акт отмщения за весь эллинский мир был совершен, настало время примирения. Эта сцена естественного милосердия как бы нивелировала противостояние между Востоком и Западом, переворачивая страницу истории. Тело Дария было отправлено в Персию для погребения в царской усыпальнице – Александр Великий поступает как настоящий эллин из “Одиссеи”. Его империя не стоит на месте - номадический патос движет им. Преодолев эту границу соперничества, как казалось, непримиримых врагов, царь жаждет новых свершений. Конечная цель империи (и империя Александра не исключение) – это мировое господство наднационального порядка. В 327 году до нашей эры с новыми силами царь направляется в Индию. Александр крушит вражескую армию индийского царя Пора и, попутно основывая города Букефалию и Никею, пытается войти в культурную связь с этой диковинной цивилизацией. Встреча с индийской культурой поразила его до глубины души – буйство красок флоры и фауны завораживали. Однако в скором времени к всемогущему императору приходит осознание того, что Индия никогда не станет частью его империи.

⁷ Там же С. 184

Индийский быт пропитан консерватизмом, а общество крайне замкнуто и отчуждает инородные греческие мотивы.⁸ Еще сильнее ситуацию усугубляла политическая раздробленность Индии и гигантская протяженность ее территории – войскам Александра нужно было воевать за каждый клочок земли. Эта бесконечная война на благо империи, удовлетворявшая амбиции всемогущего деспота, истощила армию. Люди гибли не только от клинков неприятеля, но и от болезней, агрессивной фауны. Все попытки воодушевить старых друзей были обречены на провал, и Александру пришлось смириться с мыслью о прекращении индийской кампании. Вернувшись в лоно своей империи, он обнаружил множество внутренних проблем и конфликтов, требующих незамедлительного решения. Чиновники погрязли в коррупции, тут и там вспыхивали мелкие междоусобицы. Планомерно разобравшись со всеми внутривнутриполитическими неурядицами, Александр продолжил осуществление давнего космополитического замысла. Большинство эллинов - и даже сам Аристотель - противопоставляли греков “варварам”, империя же Александра уничтожала этот порядок. Различия между народами могли существовать лишь на почве их роли в империи. В остальном же должно было произойти слияние народов и ассимиляция.⁹ Сам Александр взял в жены персиянку, став примером для своих приближенных и имперского народа в целом. Знаменитое бракосочетание в Сузах между соратниками Александра и девушками из аристократических иранских семейств прекрасно иллюстрируют эту политику.¹⁰ В городах, основанных во время военных походов, были разрешены свободные бракосочетания с местными девушками. Александр хотел, чтобы в его империи не было национальных шор, чтобы имперский народ формировался посредством культурного синтеза, свободных экономических отношений. Благодетельный мотив

⁸ Там же С. 263

⁹ Там же. С. 291

¹⁰ Там же. С. 294

подразумевал истинную родину для людей в виде всего мира. В этом был пафос империи Александра, во всестороннем взаимодействии с другими культурами, в уничтожении статуса “варвара”. Александр был провозвестником доселе неслыханной веры в мировую империю. Но этому имперскому проекту не суждено было сбыться – в 323 году до нашей эры Александр Великий умер. Его последними словами стали пророческими, и держава погрязла в войнах между когда-то преданными друг другу диадохами. Империя погибла.

Империя Александра Македонского была выражением его личности. Однако люди, которых он вел за собой, не были готовы к такому масштабному диалогу и объединению. Вся империя держалась лишь на харизме её вождя. Как только его не стало, все вернулось на круги своя: единство деформировалось в локальные войны диадочов. Хотелось бы отметить знаковые шаги Александра, сделанные навстречу “Чужому”, на его удивительной способности перевоплощения. В тот момент, когда он накрыл плащом тело мертвого Дария, Александр стал Великим персидским царем. Приняв титул доселе чужой культуры, Александр включился в неё, завязал диалог. Персы уже не казались ему варварами (как завещал Аристотель), они не были более “Чужими”, став “Другими”. То же самое произошло и в Египте, после обретения Александром титула фараона. Межкультурный диалог принял оформленный вид. Диаметрально противоположной оказалась встреча с индийцами. Этот народ был настолько консервативен в самом своем существовании, что пробуждение в нем чувства причастности к империи было сизифовым трудом. Александр не стал раджей и не назначил на места сатрапов. Индийцы так и остались слепым пятном на карте его империи, они остались “Чужими”.

1.2 Римская империя

Imperium sine fine – империя без конца.¹¹ Это выражение, принадлежащее поэту Вергилию, как нельзя лучше характеризует Римскую империю. Вечность и, буквально, мессианская роль Рима была закреплена в его праве – вспомним конституцию императора Юстиниана. В этом смысле, все последующие империи пытались презентировать себя как незыблемые и долговременные. Рим строился на основании фундаментального закона, принявшего образ мировой власти – имперской власти. Вместе с этим конституировалось совершенное мироустройство Римской империи, которое легитимировало ее притязания на новые территории. Таким образом, проходила консолидация культурного и политического пространства вокруг имперского порядка. Важно понимать, что империя преодолевает государственные и национальные рамки. *“Имперское пространство есть двуединая граница: собственно государственная граница и смысловой горизонт коммуникации, тематизируемый как таковой лишь при определенных обстоятельствах”*.¹² Римская сфера интересов распространялась намного дальше границ самой империи, что подчеркивает их условный характер. Такому движению вовне сопутствует разноплановая коммуникация с другими политическими субъектами, цивилизациями и культурами. Вместе с этим империя переходит на идеологический уровень воздействия (идея империи), который сохраняется даже после ее гибели, определяя видоизменение постимперской реальности.¹³ Тело и душа Римской империи есть некоторый социокультурный фон, со своими правами и обязанностями, присущими гражданам империи, за пределами же этого пространства царит варварское неразумие. Задача максимум, состоит в преодолении данного разрыва путем универсализации человечества – мотив,

¹¹ См. об этом: Уколова В.И. Империя: Исторический опыт Рима // Вестник МГИМО, 2008. №2. С. 1

¹² Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи. Вопросы социологии №1. 1992. С. 70

¹³ См. об этом: Уколова В.И. Империя: Исторический опыт Рима // Вестник МГИМО, 2008. №2. С. 2

знакомый со времен империи Александра Македонского. Экспансия, активно реализуемая римскими легионами, проводилась не только с целью обогащения, но и как цивилизаторский поход. Сооружались города, прокладывались дороги, модернизировалась управленческая сфера, происходил культурный обмен, а самобытность покоренных народов оставалась не тронутой. Римляне в свою очередь, перенимали некоторые инокультурные мотивы и интегрировали их в политическую и общественную жизнь. Методы политического устройства в Римской империи подразумевали децентрализованную систему управления, которая сохраняла автономное состояние включенных в себя регионов, со своими правовыми системами и политической конъюнктурой.¹⁴ Происходила интеграция, а не ассимиляция политических субъектов – империя представляла собой единство в многообразии. Надо всем этим возвышался всемогущий император, определяющий вектор её развития. Отец нации управлял высшими органами республиканской власти и даже сенатом. Имеет смысл упомянуть Мишеля Фуко и его концепцию дисциплинарного типа управления, которая подразумевала имманентное повседневное проявление дисциплины в обществе.¹⁵ Именно эта дисциплина подданных помогла римской империи достичь таких высот. Имперский порядок диктует населению целый спектр правил и норм, ценностных ориентиров, проводя тем самым своего рода биополитику. Этому также способствуют легионеры, репрессии и законы, но главным аспектом подчинения остается дисциплина. Римлянин должен гордиться своим происхождением, быть частью империи и лучшее, что он может сделать, это стать дисциплинированным подданным (Примечательно, что в Риме эпохи упадка люди говорили, что лучше уйти к варварам, чем жить в империи, ибо римлянином быть стыдно).

¹⁴ См. об этом: *Уколова В.И.* Империя: Исторический опыт Рима // Вестник МГИМО, 2008. №2. С. 3

¹⁵ См. об этом: *Фуко М.* Рождение биополитики. М., 2010. С. 818-823.

Итак, *“Империя - это смысл и реальность осуществления большого политического пространства, соположенный смыслу неполитических действий или коммуникаций”*.¹⁶ Мощная экспансия вкупе с идеей имперской миссии двигает её границы в бесконечность. Внутри же империи царит многообразие. Коммуникация протекает по сложнейшей сети всевозможных агентов и управленческих регуляторов. Римская империя - цивилизационный феномен, универсализирующий историю. Последний момент, на котором необходимо заострить внимание, говоря о Римской империи – это её элита. Элита является двигателем всей имперской системы, впрочем, как показывает практика, она с той же легкостью может её и погубить. Будь то политическая, культурная или же интеллектуальная элита, каждая из групп своей деятельностью оправдывает и обосновывает существование самой империи. Они задают тон повседневности, создают нормы поведения, эталоны морали и законы.¹⁷ Элиты общаются между собой в пределах империи, чаще всего в политических центрах. Важный момент заключается в том, что периферийная элита постепенно потеснила элиту исконно римскую, причем даже на императорском троне (вспомним императора Траяна, который был испанцем по происхождению). Большое количество нуворишей, жаждущих вклиниться в политическую систему империи, в конечном итоге подорвала её. Дошло до того, что имперский трон перешел в руки некомпетентных ставленников преторианцев. Кризис центрального аппарата управления исключил мысли о безопасности подданных, система империи потерпела крах. В такой плачевной ситуации провинциальные элиты перестали отождествлять себя с империей, началось их массовое отделение в качестве самостоятельных политических единиц. Галлия, Испания, Британия вышли из состава Римской империи, а потом и сама империя раскалывается на Восточную и Западную. Западная Римская

¹⁶ Филлипов А.Ф. Наблюдатель империи. Вопросы социологии №1. 1992. С. 61

¹⁷ См. об этом: Уколова В.И. Империя: Исторический опыт Рима // Вестник МГИМО, №2. 2008. С. 5

империя в скором времени исчезла окончательно, ибо даже ее монархи потеряли волю к власти (не без помощи варваров). Восточная же просуществовала еще достаточно долго (во многом благодаря христианству) – Константинополь называл себя вторым Римом. Римская империя стремилась сделать чужие народы своими путем интеграции в свою цивилизацию. Но в век упадка империя не могла охранять собственные границы, человеческие ресурсы были истощены и, как следствие, произошло культурное разложение страны.¹⁸ Этим разложением моментально воспользовались чужаки, варваризируя все сферы общественной жизни. Империя потеряла свое лицо, власть перестала принадлежать римлянам. И если на первых порах варвары интегрировались в качестве наемников и подданных, то теперь - в виде взрывной революционной силы. Варвары хотели приобщиться к благам римской цивилизации, но смена властных элит привела их в высшие эшелоны власти. Политика стала варварской, армия стала варварской, варваризировалась культура - от Рима же осталась лишь роскошь. Романизированные варвары проникали в исконно римское бюрократическое чиновничество, которое и без них было крайне раздуто, а теперь и вовсе не могло нормально функционировать из-за огромного числа непрофессиональных управленцев, погрязших в коррупции. Таким образом, волны варваров подорвали Римскую империю изнутри и снаружи, причем внутреннее потрясение было самым коварным и наиболее разрушительным, ибо был уничтожен фундамент империи – ее культура.

Суммируя рассуждения первых двух параграфов настоящей главы, хотелось бы сделать вывод из всего раздела: фундаментальные каноны империи, будь то единство в многообразии, цивилизаторский вектор движения вовне, или характер глобального миропорядка (наднациональная и надэтническая форма) сложились в качестве характерных с древнейших времен, примером чему являются классические - империя Александра Македонского и Рим.

¹⁸ См. об этом: *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004. С. 203-205

Глава 2. Империя и империализм

Еще до мировой войны империализм в своей неотвратимой диалектике выводил государства и народы из их замкнутого национального существования и ввергал их в мировую ширь, бросал за моря и океаны.¹⁹

Н.А.Бердяев, “Новое Средневековье” (1924)

Парадигмальный сдвиг, произошедший в империях Нового Времени, ознаменовал собой появление новой массовой идеологии и новой экономической модели – империализма. В западной традиции, империализмом, в широком смысле называют неравенство людей и территориальных отношений, чаще всего, в виде империи, основанное на превосходстве и доминировании одного государства над другим. И хотя М. Хардт и А. Негри выступают за противопоставление понятий империи и империализма, вряд ли мы можем с этим согласиться, о чём упоминал профессор К.С. Пигров в своей статье, посвященной империи.²⁰ Очевидная связь этих терминов прослеживается при этимологическом исследовании, ибо латинские *imperare* (командовать) и *imperium* (власть), а так же английское слово *imperialism*, восходят к истории Римской империи. Заглянув в Оксфордский словарь, мы обнаружим, что впервые понятие империализма обнаруживает себя в 16 веке, но в смысле, наиболее приближенном к современному, используется лишь в 1858 году, в эпоху *Rax Vtitannica*, касательно дискуссии, разразившейся вокруг Венской геополитической системы и, конкретно - Великобритании. Логично предположить, что наиболее целесообразным шагом будет исследование империализма с опорой на исторический опыт именно этой империи. Определение империализма не исчерпывает его содержания, множество

¹⁹ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., Феникс-ХДС-пресс, 1991.

²⁰ См. об этом: Пигров К.С. Империя как инновация, или императив империй// Вестник СПбГУ Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч.1. С.4

коннотаций возникает в связи с рассмотрением той или иной ситуации или конкретной области исследования. В фокусе проводимого анализа встречи с “Чужим”, первостепенной задачей будет выявление положительных и отрицательных сторон данного процесса с разных точек зрения, как для империи в целом, так и для ее частей. Вокруг Британской империи до сих пор не утихают споры. Была ли крупнейшая за всю историю человечества империя, злом или благом для мира? Какова была цель британской колониальной политики? Имеет ли место империализм в 21 веке? Все эти вопросы маркируют Британию в черных и белых тонах, а вместе с этим и сам концепт империи – наша же задача, выйти за рамки этого дискурса и беспристрастно изучить фактологические данные.

2.1 Истоки империализма

Великобритания - могучая империя начиналась с обыкновенного пиратства. Генри Морган, англичанин по происхождению и гроза морей 17 века, во время своей грабительской экспедиции опустошает Гранаду, поселение испанцев и, набив корабельные трюмы золотом, уплывает восвояси.²¹ Это был не единичный случай – 17 век, век буканьерского разгула. Зов далеких земель - отнюдь не сознательная задумка английских империалистов или номадически настроенных переселенцев, а вполне утилитарное желание пиратов сорвать большой куш, не встретив при этом достойного сопротивления. Более того, их деятельность легализовалась самой английской короной с помощью особых каперских патентов в обмен на долю от добычи. Исследователь истории Британской империи Нил Фергюсон говорит нам, что английская экспансия так же зачиналась как практика подражания более успешным империям того времени, как например, Португалии или Испании - ведь у самой Британии в то время была всего лишь горстка Карибских островов, пять североамериканских колоний и

²¹ См. об этом: *Фергюсон Н.* Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., Corpus. 2013. С. 59

несколько индийских портов.²² Раздел мира между колониальными империями прошел без особой выгоды для англичан, отчего их желание найти свою “золотую” жилу только усиливалось. И они её нашли – Индию. Импортные товары, хлынувшие из Индии, благотворно повлияли на экономический климат в Англии - консюмеризм подпитывался чаем, кофе, табаком и роскошными тканями. Экспансия 17 века была в первую очередь торговым предприятием, колониальные империи воевали друг с другом за товарные рынки. Ост-Индские компании в качестве имперских агентов на чужбине конкурировали между собой, попутно пытаясь добиться благосклонности Великих Моголов. Да и сами индийцы не гнушались воевать внутри своей страны, зачастую прося помощи своих заморских - пока еще - партнёров по бизнесу. Лишь после окончания Семилетней войны становится понятно, что Индия будет английской. Таким образом, англичане из купцов и пиратов превратились в повелителей – деловое начинание превратилось в субъект власти. Становится понятно, что новый статус англичан идет вразрез с их прежней политикой браконьерства и грабежа. Перед империей встает вопрос о методах управления “жемчужиной английской короны”. До момента его постановки империя Нового времени мало чем отличалась по роду своей деятельности от империй древности: экспансия ради наживы, попутно - скомканный культурный диалог, подавление более слабых народов силой оружия, рабство. Создав свою империю как бы в отместку другим европейским державам и взяв инициативу в свои руки, Британия стала законодателем империализма на мировой арене. Однако термин “империализм” стал активно использоваться только с середины 19 века. Как же можно обозначались процессы, происходящие по воле империи до этого?

²² Там же. С. 62

Поиски новых торговых партнеров, вера в золотое “Эльдорадо”, конфронтация с другими империями, многочисленные пиратские рейды, сопряженные с исследовательской деятельностью открывают новые горизонты для Британии, а точнее, для её колонистов. Если самым древним способом имперского взаимодействия с чужаками была военная экспансия, то следующим витком ее развития становится колонизация, возведённая в ранг политической идеологии. Самая масштабная миграция людей за всю историю происходила именно во времена Британской империи. Чем руководствовались эмигранты, покидая “туманный Альбион”? Для большинства из них стремление в Новый Свет было сродни обретению свободы - иногда и в прямом смысле этого слова. Кто-то, будучи осуждённым за проступок, вместо отбывания наказания отправлялся в колонии, надеясь на новую жизнь, кто-то просто был авантюристом, жаждущим приключений, а некоторые мечтали совершать миссионерские подвиги. Но что объединяло всех этих людей, так это проблемы, возникающие на колонизируемых территориях: конфликты с коренным населением были повсеместной практикой. Пафос свободолюбия, которым руководствовались колонисты, выступая от лица Британской империи как гаранта свободы неся “бремя Белого человека”, зачастую работал в одностороннем порядке, идя вразрез с желаниями туземцев. Впрочем, “белым” тоже доставалось.

Но первые британские колонии появились вблизи самой Британии. В начале 17 века группа британских поселенцев прибыла в Ирландию, дабы приобщить ее “варварское население” к благам цивилизации. Разумеется, такая попытка не встретила понимания у местного населения. Чужестранцев, пришедших со своими правилами и указаниями, не жаловали и, как следствие, бунтовали. Под предводительством Гуга О’Нила ирландские вожди вели успешные боевые действия против колонистов. Англичанам пришлось приложить немало усилий, чтобы стабилизировать ситуацию и

возобновить колонизацию. Разбив бунтовщиков, британская политика в Ирландии не претерпела значительных изменений. Поселенцы все так же оставались “добрым зерном”, а местные жители – “сорняками”. Согласно политике “насаждения”, основывались специальные приграничные поселения, лояльные короне. Ситуацию так же усугубляло иноверие пришельцев – англичане были протестантами, сторонниками англиканской церкви, а ирландцы - католиками. Этническая и религиозная сегрегация дошла до того, что в провинции Ольстер коренных жителей-католиков выселяли за городские стены. Очередное восстание, уже на религиозной почве антипротестантизма унесло жизни более двух тысяч католиков. Первый переселенческий опыт показал англичанам, что даже с учетом значительной культурной близости, без опоры на силовые методы не обойтись. Тем не менее, к концу 17 века, Ирландия в целом интегрировалась в состав Британской империи. Однако принципиальные разногласия не были преодолены полностью: порядок и определенная степень лояльности ирландцев поддерживалась не только благодаря выгодным торговым отношениям, планомерной миграции и культурного “насаждения”, но и с помощью оружия. Первый опыт английской колонизации, хоть и с трудом, но удался, так почему не использовать его повсеместно? Далее, колонисты прибыли в Северную Америку, где по большому счету, использовали ту же самую риторику и методы насильственного подчинения, что и в Ирландии – местное население должно быть цивилизовано англичанами. Однако, не увидев в индейцах ничего знакомого, ощутив всю культурную разницу между народами, англичане рассудили, что столь примитивные люди не способны заботиться о своей земле сами, возделывать её. Культивация американской земли должна лечь на плечи Британской империи. В этом смысле, ирландцы, индейцы и впоследствии африканцы, как впрочем, и австралийские аборигены, а так же индусы – все они представлялись англичанам “ленными туземцами” воспринимающими лишь язык силового

воздействия. Идеология английской колониальной политики, различающая цивилизованные народы и варварские, формировалась во время колонизации Ирландии, о чем нам сообщает Николас Кэнни.²³ Такое отношение к туземцам было продиктовано идеологическим воспитанием и сознательной политикой империи – оправдать зверства колонистов не представляется возможным. Колонизация зачастую ведет не к мирному сосуществованию, а к кровавым столкновениям с “Чужим”. Колонии служили сырьевым придатком империи, средством первоначального накопления, рынком сбыта мануфактурных товаров. Так же колониальная система способствовала развитию британского флота. Одним словом, очевидны плюсы положения империи и совсем неочевидны положительные стороны статуса колонии.

2.2 Новый империализм

К середине 19 века становится понятно, что установившееся колониальное мироустройство не отвечает вызовам эпохи и без оперативного вмешательства обречено на гибель. Это беспокойство подогревалось многочисленными вспышками бунтов в разных частях империи, будь то восстание сипаев в Индии, восстание ихэтуаней в Китае или мятеж буров в Южной Африке – жесткий антиколониализм во всей красе.²⁴ На повестке дня в программах британских политиков значились две ключевые проблемы, а именно как осуществить наиболее эффективную эксплуатацию колоний, не вызывая при этом массового недовольства среди населения, и в какой политической форме эта экономическая коммуникация должна проходить. Британские либералы предложили придерживаться принципа свободного рынка и невмешательства в дела колониальных предпринимателей. Такой подход к вопросу нашел свое выражение в плане систематической колонизации, подразумевающим анализ экономического потенциала

²³ См. об этом: *Макарова Н.И.* В погоне за цивилизованностью // Мир науки, культуры, образования №6. 2013. С. 498

²⁴ См. об этом: *Зотов С.А.* От миропорядка империй к имперскому миропорядку. М., 2005. Глава 1. Британская колониальная империя: взаимосвязи идеологии и организация управления (1850-1914). С. 20

рассматриваемых колоний. Сторонником этой либеральной позиции был Джон Стюарт Милль, привнесший в эту сугубо экономическую программу ноты политико-правовых отношений между метрополией и колониями. С его точки зрения, положительный аспект колониальной политики заключается в подготовке менее развитых стран и народов к переходу на новый культурный уровень. Цивилизованное меньшинство имеет полное право совершать образовательные походы.²⁵ Эти люди, в качестве благородных переселенцев, обеспечивают самоуправление в так называемых “белых” колониях и косвенное управление в “цветных”. В первом случае, подразумевались колонии, подобные метрополии во всех сферах общественной жизни и способные существовать в рамках представительной власти (Австралия, Ирландия). Во втором случае - колонии разительно отличались от метрополии и представляли собой инокультурную цивилизацию (Индия). Для Милля самоуправление переселенческих колоний являлось принципиальным моментом, обеспечивающим целостность империи, ибо этому сопутствует распространение ценностей либерализма, благотворно влияющих на общий политический климат. Необходимо создать такой порядок, в котором существование колоний не будет сильно обременять метрополию, но и не будет унижительным для колоний. Помочь в этом могла своеобразная федерация с неполной равноправностью составляющих ее субъектов. Такая неформальная федерация давала возможность выходцам из колоний занимать правительственные и административные должности, как в метрополии, так и на зависимых территориях.²⁶ В конце 19 - начале 20 веков политика Великобритании на подконтрольных территориях во многом строилась в соответствии с постулатами Милля. Проект неформальной федерации был отчасти реализован по отношению к переселенческим колониям, в случае же с цветными территориями продолжалась политика деспотизма. Она оправдывалась фактом примитивности этносов в цветных

²⁵ См. об этом: *Милль Дж. С. Размышления о представительном правлении.* СПб., 1897. С. 166

²⁶ Там же. С. 180.

регионах, чужеродностью их культуры. Первостепенная задача Британии состояла в организации приемлемой политики управления варварскими народами. Либералы категорически не принимали равенство европейца и туземца - в то время господствовал европоцентристский взгляд на этот вопрос, постулирующий превосходство европейской культуры. Вместе с этим либералы отдавали себе отчет в том, что положение покоренных народов отнюдь не из легких, а посему были против деструкции всего, что не подпадало под порядки метрополии – цивилизаторская миссия требует терпения и времени. Для того чтобы минимизировать вмешательство некомпетентных в местных культурных вопросах британцев, Милль предложил перейти от прямого управления колониями к косвенному вмешательству. Косвенное управление подразумевало сохранение туземных политических институтов в качестве агентов между верховной колониальной администрацией и коренным населением. Действия колониальных британских властей опосредовались через местные этнические структуры лидерства. Прошедшая проверку на лояльность местная администрация с большим успехом управляла своими соотечественниками, соблюдая при этом данные британцами цивилизаторские заветы.²⁷

Но были и консерваторы. Томас Карлейль в своих политических памфлетах считал концепции, выдвигаемые либералами, опасными для поддержания имперских традиций, обуславливающих мировое господство Великобритании. Еще в “Чартизме”, Карлейль заговорил о наступлении новой эры в мировой истории, где Англия будет играть главную роль. Её лидерство в культурном и техническом плане легитимирует ее право на ведение колониальной политики. По Карлейлю, появления британской империи обусловлено самим историческим развитием, и англичане

²⁷ Там же. С. 187.

закономерно приходят на смену римлянам.²⁸ Он выступал за активную переселенческую политику граждан метрополии в колонии, видя в этом решение острых социально-экономических проблем в самой Англии, будь то безработица или избыток трудовых ресурсов. В связи с экономическим кризисом, разразившимся в Вест-Индии и спровоцировавшим массовые восстания рабов негров, Карлейль создал свой проект по реформированию империи. Его критика была обращена на неверно выстроенную систему управления колониальным хозяйством. В памфлете “Случайная речь о негритянском вопросе” он настаивает на интенсификации труда, эффективном использовании земель и пересмотре отношений с цветным населением.²⁹ Культурное неравенство есть легитимное основание для продвижения идей колониализма. Справедливость, по мнению Карлейля, заключалась в том, что негр получил привилегию обрабатывать земли на благо метрополии. Устанавливаются взаимные обязательства белых и черных во благо общего процветания. Либеральный план Карлейль критиковал, так как считал провокацией даровать колониям самоуправление. Возникла иллюзия того, что империя не заинтересована в организации единства со своими колониями - самоуправление колоний есть прямой раскол империи. Либералы сводят на нет национальные интересы Великобритании в угоду интересам колоний. Плохая экономическая ситуация в империи существует именно потому, что управление колониями ведется крайне неэффективно. По мнению консерваторов, должно было быть создано общеимперское министерство, обеспечивающее максимально эффективную эксплуатацию колоний.

Еще одной чертой нового империализма стало создание культа империи. Британцев все сильнее захватывала идея империи благодаря вполне

²⁸ Цит. по: *Зотов С.А.* От миропорядка империй к имперскому миропорядку. М., 2005. Глава 1. Британская колониальная империя: взаимосвязи идеологии и организация управления (1850-1914). С. 26

²⁹ *Carlyle Th.* Occasional Discourse on the Nigro Question // *Fraser's Magazine*. 1849. P. 672

искренним стараниям деятелей культуры. Особенно выделялся Редьярд Киплинг, величайший поэт империи, славящийся своими острословными и неполиткорректными - на сегодняшний день - высказываниями (призыв к Соединенным Штатам принять имперское бремя). Общественное мнение самыми разными способами мобилизовывалось на поддержку конкретных колониальных акций. Эпоха нового империализма породила и новых идеологов, продвигающих идею о высокой миссии Британии в истории человечества. Среди них был Джон Чемберлен утверждавший, что *“создать империю, более грандиозную и более способную обеспечить мир и цивилизацию, чем любая империя, которую когда-либо знала история, - это мечта, которой никто не должен стыдиться”*.³⁰ Или южноафриканский король алмазов С. Родс, фанатично верящий в колонизаторский гений британцев и прагматично отмечающий: *“Империя есть вопрос желудка: если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами”*.³¹

2.3 Тяготы империи

Экспансия соперничающих друг с другом империй в страны Востока в одночасье подорвала их самостоятельное развитие. Уместно привести слова Ханна Арендт - *“В Европе для разрушения этических стандартов потребовалось несколько десятков лет, тогда как в тропических колониях все совершалось со скоростью короткого замыкания”*.³² Лишившись политической независимости, колонии впадали в затяжной регресс, усугубляющийся эксплуатацией населения колониальным правительством. Формирующийся мировой рынок втягивал в себя обескровленные колониальные страны на положении подчиненных. Безусловно, контакты различных народов расширялись, происходило их сближение, но все эти культурные связи протекали в форме насильственного подчинения, разгоняя

³⁰ Кертман. Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С. 204.

³¹ Давидсон. А.Б. Сесил Родс – строитель империи. М., 1998. С. 257

³² Цит. по: Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма // Академический проект. 2003. С. 30

капиталистический прогресс и уничтожая самобытное развитие порабощенных стран. Как итог, эксплуатационные аппетиты империй только усиливались, ибо рос их экономический потенциал. Очевидная капиталистическая подоплека развитого колониализма открывает дорогу идеологии империализма. Как было отмечено ранее, колониализм и империализм - суть разные понятия. Это различие улавливает Гобсон, в своем “Империализме” *“Колониализм выражается в переселении части народа на свободные или малонаселенные чужие земли в качестве эмигрантов, сохраняющих при этом все права, даруемые гражданством своей родины. Так же они могут организовать местное самоуправление, согласованное с политикой метрополии. По сути, такое перемещение является естественным продвижением национальности за границы исходного государства”*.³³ Стоит отметить, что естественность данного процесса имела бы место в случае, если перемещение национальных масс не сопровождалось бы действиями насильственного характера по отношению к туземному населению. Гобсон продолжает: *“Новый же тип территориальной экспансии подразумевает управление меньшинства белых чиновников, торговцев и промышленников, над громадными ордами людей, рассматривающихся как низшая раса, неспособная к самоуправлению”*.³⁴ Этот тип как нельзя лучше характеризует империализм, пришедший на смену колониализму: большое количество поселенцев, прежде необходимое для освоения интересующих метрополию территорий, теперь больше не нужно, важен контроль над колонией, осуществляемый мощным бюрократическим аппаратом.

В.И. Ленин характеризовал конец 19 века как время расцвета империализма. Фундамент этого империализма есть финансовый капитал, его отличительная

³³ Гобсон Д. Империализм. Ленинград, 1927. С. 21

³⁴ Там же. С 21

особенность – монополизм, которого не было на предыдущих этапах исторического развития капитализма.³⁵ Огромные монополистические союзы захватывали всемирный рынок и делили его между собой – монополия как принцип организации, выросла из банковского дела. Финансовые колоссы капиталистических империй аккумулирует миллиардные состояния в виде частных или акционерных капиталов.³⁶ Конкурентный капитализм старого типа подразумевал вывоз товаров, новый же виток его развития переходит на вывоз капитала. Такая власть над финансовыми потоками позволяла олигархии вмешиваться в дела экономических и политических институтов власти и добиваться принятия выгодных для нее решений. Монополия, как, впрочем, и империя, превращается в некоторое надгосударственное образование. Глобализационные процессы в экономике способствовали установлению единого рынка. Миропорядок империй постоянно поддерживал Британию в состоянии конкуренции с другими империями. Ее экономическая мощь оказалась недостаточной для сохранения всех подконтрольных колониальных территорий. Собственно, Первая мировая война, по словам Ленина, была вызвана развитием империализма. *“Капиталистам есть за что воевать, более того, им нельзя не воевать, так как без передела устоявшейся колониальной системы новые империи не смогут получить привилегии, присвоенные старыми империями, для расширения сферы своего влияния им нужно разорвать устоявшиеся политические и экономические связи”*.³⁷ В этом смысле, экспансия империй была закономерным процессом, ибо степень мировой концентрации вынуждает их принимать меры по увеличению собственной прибыли, прибегая либо к капиталу, либо к силе. Что касается колоний, то великие державы лишь усиливают их угнетение – цивилизованный мир паразитирует на миллионах подданных. Очевидно, Ленин скептически относился к

³⁵ Ленин. В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС., изд. 5. Т. 27. М.,1962. С. 317

³⁶ Там же. С 421

³⁷ Там же. С 172

сложившемуся империалистическому строю и желал скорейшей социальной революции.

Гобсон предвосхитил некоторые идеи Ленина. Он так же отмечал, что особенность современного империализма в том, что его продуцируют несколько империй. В этом отношении происходит борьба нескольких политических образований. В эпоху древности и Средневековья империя виделась как федеративное слияние государств под гегемонией одного из государей – ее власть распространялась на весь известный мир, а “империализм” включал в себя интернационализм, хоть и с оговорками. Однако в Новое время мы видим совершенно иную картину, ибо желание создания единой империи уступило место миропорядку империй, каждая из которых конкурирует с другой, стремится к политической и экономической экспансии, финансовые же интересы денежного капитала преобладают над торговыми интересами. Держава, в которой экономические интересы организованных классов, берут перевес над расплывчатыми интересами всего общества, вынуждено вести политику, содействующую закреплению господства олигархии над аморфным обществом. Космополитические интересы банкирских домов делают их двигателем империализма. Империализм нужен им, дабы выгодно размещать свои капиталы, которые при иных условиях оказались бы праздным избытком. Интересы же подконтрольных народов не учитываются, важна лишь прибыль. Вспомним махинации Ротшильда и Родса во время “драки за Африку”.³⁸ Немного о вопросе вынужденной империалистической экспансии. Вопреки Ленину, Гобсон настаивал на том, что экспансия не является неизбежностью для выхода развивающейся промышленности. Открытие новых рынков и сфер капиталов - это результат плохого распределения потребительских способностей, не более того. Решение этой проблемы предлагал еще Милль

³⁸ См. об этом: *Фергюсон Н.* Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., Corpus. 2013 С. 557

(параграф 2.2). Политика территориальной экспансии не является реальной необходимостью для обеспечения избытка населения в реальном и будущем времени. Современный империализм в наиболее существенных чертах ничем не отличается от прежнего. Просто элемент политической дани сейчас отсутствует или играет второстепенную роль. Наиболее грубые формы рабства исчезли, а некоторые формы более естественного управления смягчают или оттеняют его определенно паразитарную сущность. Даже Каутский - защитник империализма, согласился с тем, что промышленно развитым странам выгодны не только экономические ограничители колоний, но и политическое подчинение более отсталых государств.

2.4 Блага империи

Вернемся теперь к Британской империи и диаметрально противоположной характеристике ее империализма как положительного актора развития колоний. Обратимся к Карлу Каутскому. По его мнению, английские доминионы - это даже не колонии, они больше походят на самостоятельные демократические государства с широким спектром свобод и достойными условиями жизни. Находясь как бы в союзнических отношениях с Англией, они образуют мощную империю, основанную на благородных постулатах свободы.³⁹ Эта характеристика скорее подходит “белым” колониям со схожим культурным типом и совсем не подходит колониям “цветным”. Однако Каутский продолжает: английский империализм даже в Индии проявил себя с положительной стороны. Тот же факт, что Индия досталась англичанам после кровопролитных войн с другими европейскими империями и местным населением, не должен омрачать плюсы империализма - это вынужденные потери с обеих сторон, направленные на реализацию благой цели. Англичане прорвали порочный круг, созданный прежними завоевателями Индии, согласно которому каждый из них вторгался на ее

³⁹ Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. С. 44

территории лишь ради добычи, оставляя после себя смерть и разрушение. Британская империя, взяв бразды управления Индией в свои руки, способствовала улучшению ее внутривосточного состояния, провела множество политических, экономических и образовательных реформ.⁴⁰ Индия испокон веков служила приманкой для воинственных, но бедных соседей. Постоянный приток народов привел к невероятному изобилию племен, языков, религий. Если пришельцы сильны, они завоёвывают и грабят. Но страна слишком привлекательна, чтобы покинуть её. Они остаются, а вместе с ними - и награбленные сокровища. Положение трудящихся классов остается почти без перемен, происходит только смена хозяев. Британская империя является благом для многих из объединенных под короной стран. Каутский видит пользу для Индии от нахождения в составе Британской империи в том, что именно это политическое состояние позволило индусам почувствовать себя единой нацией, положило конец внутренним военным конфликтам, дало общий язык – английский. И после периода британского владычества Индия предстает уже качественно иным государством, способным на единство и независимость. Благотворную роль Великобритании подчеркивал и индийский экономист Дипак Лал: *“Империи обеспечивали мир. Создаваемый ими Pax в пределах общего экономического пространства приносил с собой процветание. Но только в 19 веке было создано первое поистине глобальное экономическое пространство, когда британцы посредством своей империи и контроля над морями связали воедино большую часть мира. Возникли условия для глобального распространения джентльменского капитализма и создания подлинного либерального экономического миропорядка, основанного на британской внутренней политике laissez faire, свободе торговли, золотом стандарте и защите прав собственности”*.⁴¹ Вопреки позиции социал-демократии начала 20 века, всесторонне критикующей империализм, следует все же отметить,

⁴⁰ Там же С. 44

⁴¹ Лал Д. Похвала империи. Глобализация и порядок. М., 2003. С. 177

что в действительности, интересы защиты инвестиций требовали поддержания социальной стабильности в колониях. Как быстро стало понятно, её невозможно достичь одной только силой - нужны более тонкие инструменты. К примеру, развитие образовательной сферы, промышленная модернизация, организация новых рабочих мест, стабилизация экономической жизни. Безусловно, эти меры сыграли свою положительную роль в дальнейшей истории колоний - после разрушения колониальной системы, они не вышли из неё с пустыми руками.

После завершения мировых войн *Pax Britannica* переходит в *Pax Americana*. Вместе с упадком Великобритании, исчезает и колониальная система, закреплявшая неравенство метрополии и колоний. Американцы, в свою очередь, настаивают на новом миропорядке, предложенном Вудро Вильсоном, суть которого заключалась в национальном самоопределении и коллективной безопасности. Этому порядку сопутствуют лишь 3 вопроса, на которые каждый должен ответить: 1) Это правильно? 2) Это справедливо? 3) Это в интересах человечества? Данные вопросы задают миру американцы. Логично предположить, что именно они знают на них правильный ответ. Большая часть мирового сообщества соглашается со своим учителем, однако дело не обходится без нерадивых учеников, постоянно перебивающих преподавателя своими невнятными репликами. Эти замечания, несогласные возгласы и даже открытое недовольство исходят со стороны Востока. Не совсем понятно, а в некоторых случаях и совсем непонятно, чего же именно они хотят. Их предложения настолько чужды европоцентричному уху, что вызывают лишь чувство недоумения. Да и зачем их вообще слушать и понимать, ведь очевидна их исторически сложившаяся аутсайдерская позиция. Так почему бы не говорить за них, своим понятным языком? Следующая глава будет посвящена традиции ориентализма и современному отношению к “Чужому”.

Глава 3. История империи закончена?

Империя воспринимается как пережиток прошлого. Перевернута страница истории, залитая кровью. Казалось бы, ей нет места в современном мире, разве только в качестве примера того, как делать не нужно. На смену концепту империи пришел глобализационный проект мультикультурализма. Основанный на гуманистических принципах и преследующий идеи рядоположенности культур, он, тем не менее, оказывается теперь в кризисном состоянии, ставящим под угрозу его дальнейшее существование. Однако при этом от него не спешат отказываться, как отказались от империи: его идеологи не понимают или же не хотят понять, почему он не всех устраивает, и продолжают настаивать на своём, растолковывая недалёковидным бунтовщикам, почему те неправы. Возможно, после крушения мировой системы империй, следует отказаться от разговора об империи и говорить об “имперской ситуации”, как предлагают исследователи, сгруппировавшиеся вокруг журнала “Ab Imperio” и уже много лет плодотворно занимающиеся исследованием различных, преимущественно исторических аспектов империи? Эти авторы сознательно отказываются от попыток дать определение империи, критиковать или хвалить само имперское предприятие. Их главный пафос заключается в том, что история империи не может считаться завершённой хотя бы по причине повсеместного возникновения новых имперских ситуаций как параллельного существования несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей. Происходит отказ от фокуса на функционалистских и структуралистских определениях империи в пользу динамической модели конструирования имперского опыта (имперских ситуаций). Новая имперская история есть способ описания исторической реальности сущностно гетерогенного, полиэтничного и мультикультурного общества. В этом смысле, образ империи не исчерпывается упоминанием насилия и эксплуатации, империя есть некоторый горизонт, включающий в себя множество долгосрочных

политических, экономических, культурологических и даже цивилизационных связей. Поэтому наивно было бы предполагать, что, осуждая имперское событие и замалчивая его результаты, мы полностью игнорируем его влияние на современный мир.

3.1 Кто такой “Другой”?

Для того чтобы смысл дальнейшего изложения был понятен, необходимо прояснить концепт “Другого”. Обратимся к схеме его открытия в “Картезианских размышлениях” Э. Гуссерля. Анализ сферы собственного Я на определенном этапе открывает в ней всевозможные связи, которые отсылают меня вовне, в область особых сущностей, среди которых присутствуют и такие, которые могут интерпретироваться как другие самостоятельные субъекты по аналогии с моим эго, как *alter ego*. Обретая опыт переживания “Другого” и синтезируя его со своим, мы, хотя и находим опыт “Другого” как непременную часть опыта своего Я, все же не можем выйти за рамки аналогизирующей апперцепции и тем самым за пределы восприятия “Другого” как *alter ego*. То, что в “Другом” принципиально в эти рамки не укладывается, то и не может войти в мой опыт “Другого” как одного со мной порядка субъекта. Эта область не является беспредельной, и мы с необходимостью наталкиваемся на определенные точки *alter ego*, которые не соотносятся с нашими фундаментальными понятиями, что приводит к отказу от равносильного восприятия нами “Другого”. Гуссерль отмечает: *“В соответствии со своим конститутивным смыслом “другой” указывает на меня самого; “другой” есть мое собственное отражение, и в то же время не является таковым, это – мой собственный аналог, и, опять-таки, аналог не в обычном смысле слова”*.⁴² Этот интенциональный объект похож на человека, но он не может считаться таковым, ибо принятие этого не соотносится со сложившимся образом человекам в границах моего эго. По

⁴² Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2006. С.59

этой причине возникают конфликты, на почве отказа воспринимать “Другого” как другого. При контакте с “Другим”, я коммуницирую с ним исходя, из некоего эталона, то есть из самого себя. Мое трансцендентальное Я создает особую мировоззренческую структуру, не соотносящуюся с культурой “Другого”. Границы понимания подвижны и могут расширяться, что приводит к столкновению с тем, что Я не в силах принять, не отказываясь от своей идентичности. Тот, кто вписывается в эти границы трансцендентального Я и кого можно представить как *alter ego*, тот и есть “Другой”, тот же, кто не вписывается – “Чужой” и с ним диалог не возможен. Альтернативой такому способу понимания “Другого” выступает позиция мультикультурализма, уравнивающая статусы всех культурных субъектов. Однако степень ее разработанности в теоретической сфере оставляет желать лучшего. Презумпция многообразия культур, постулирующая право каждой культуры на собственный взгляд на мир, при этом настаивая на их диалоге, должным образом подразумевает существование предельно чуждой культуры, с которой диалог невозможен. И что тогда? Право говорить за “Другого”?

“Когда мы смотрим, друг на друга, два разных мира отражаются в зрачках наших глаз” – Бахтин М.М.⁴³

3.2 Ориентализм

Одной из насущных проблем империи был вопрос о легитимации своей экспансии. И если раньше для этой цели использовались сюжеты из классической метафизики и христианской теологии, то в эпоху светской рациональности и научного прогресса, демократии и прав человека – потребовались несколько иные методы по форме, но не по существу. Новейшая аргументация все так же основывается на началах цивилизационного просвещения (развития), основные мотивы которого были

⁴³ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. - М., Азбука. 2000. С.22

изложены еще философом-теологом Хинесом де Сепульведой в 1550 году в Вальядолиде (За этим последовали зверства испанцев по отношению к туземному населению).⁴⁴ Нет смысла заострять внимание на том, что гарантом нынешнего цивилизаторского устремления является Америка и ее *Rex Americana*. Важен другой сюжет. Исторически сложившееся доминирование Запада возникло благодаря его энергичной культуре и силе технического прогресса. Цивилизаторские импульсы западной культуры были устремлены далеко за пределы условных границ империи (как актуализированном воплощении культурной мощи). Так было во времена Британской империи, когда метрополия распространяла свое влияние на просторах заморских колоний. Вместе с возвышением Запада, обретшим статус магистрального пути развития, происходила грубая дискредитация всего не-западного и в первую очередь восточной культуры. Образ восточного человека, представляющий его как несведущего дикаря, плотно укоренился в западной традиции, перейдя на уровень идеологической неприязни, призванной обосновать господство Запада на цивилизационном уровне. Восток будто бы застыл во временах архаики со своими причудливыми обычаями и слабой технической развитостью. Разумеется, сталкиваясь с прогрессивным Западом, Восток подпадал под его влияние, не имея силы противопоставить ему что-то внятное, обосновать право на собственный голос, а лишь выплескивал недовольство в стихийных бунтах, что лишь усугубляло его положение. Итогом длительной односторонней коммуникации с Востоком стало возникновение традиции ориентализма, якобы разгадавшей все загадки восточной культуры и объективно сформировавшей образ человека Востока. Еще в 1978 году, в своей книге “Ориентализм” Эдвард Вади Саид обличил западную традицию понимания

⁴⁴ См. об этом: *Даллмайр Ф.* Империя или космополис: цивилизация на распутье // Вестник РУДН. 2006. №1. С 11.

Востока в “прикрытой” предвзятости.⁴⁵ Моменты явного подчинения не вызывали сомнения, а вот скрытые мотивы, коренящиеся в самой западной культуре, представляли собой крайне интересную находку. Вокруг этого положения моментально разгорелась жаркая дискуссия в научных кругах, ибо согласиться с ним - значит признать вину Запада в несовершенстве современного мира, что будет не лучшим вариантом развития событий, ведь полностью перекладывать ответственность за это на исламских фундаменталистов и террористические организации намного выгоднее и спокойнее. Какими же аргументами располагает Саид?

Ориентализм суть широкий спектр средств, направленных на поддержание доминантного положения Запада над Востоком. Репрезентация Востока в западном обществе проходит через призму стереотипического сознания, созданного посредством различных политических, экономических и культурных практик. Все они направлены на то, чтобы легитимизировать господство Запада. А.В. Говорунов выделяет следующие черты ориентализма:

1. Суммативный подход

Генерализация человека Востока как антагониста европейца, негативного персонажа со скверным характером, который требует к себе пристального внимания со стороны цивилизованного Запада.

2. А-историзм

Суммативность приводит к консервации образа Востока на протяжении всей истории. А-историчность, в этом смысле, сопутствует этому явлению. Если на Востоке и было что-то хорошее, то только в далеком прошлом, сейчас же это пристанище разного рода асоциальных элементов и место культивации религиозного фанатизма.

⁴⁵ См. об этом: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Пер. А.В. Говорунова. СПб. Русский Мирь, 2006.

3.Текстуальность

Приверженцы ориентализма ориентируются не на собственный опыт, а на книжную традицию в восприятии и толковании Востока, что не позволяет выйти за рамки установившегося примитивного образа восточной культуры.

4. Слабовыраженное личностное начало

Европейцы – сторонники идеи самореализации личностного начала. Люди Востока напротив, представляют собой некую безликую массу, с архаичным типом мышления, завязанном на коллективном начале, где имеет значение лишь единство всех элементов, а порознь они - ничто. Однако, как оказалась, эта черта восточной культуры (сплоченность), вменяемая ей в качестве упрека, обеспечивает ей некоторое преимущество в современном противостоянии цивилизаций.

5. Бинарная оппозиционность

Восток есть комплементарная противоположность Запада. Он представляет собой своеобразный культурный конструкт, созданный в качестве зеркального отражения западной цивилизации. Сталкиваясь с чем-то незнакомым на Востоке, Запад не говорит об отличности или многогранности восточной культуры, а выставляет на первый план её пресловутую подражательность, совершенно не требующую глубокого анализа. Это не нечто “Другое”, это искаженное “Свое”. Тот же ислам есть лишь искаженная версия христианства, не более того. Поэтому ничего нового из Востока почерпнуть нельзя, ведь все уже есть в западной культуре.

6. Активизм Запада по отношению к Востоку

Именно Запад инициирует взаимодействие двух культур – познавательный импульс исходит из него. Великие географические открытия, масштабные экспедиции на Восток, строительство Суэцкого канала – все эти события

иллюстрируют желание Запада втянуть Восток в свой жизненный уклад, совместить культурные горизонты.

7.Ориенталист как шпион

Исследователь-ориенталист не только уделяет большую часть внимания текстуальности, при создании образа Востока, но и формирует его в соответствии с актуальными для себя задачами (в интересах своей державы, подстраивая под свои представления о миропорядке). С помощью ориенталистской традиции, Восток превращается в искусственно созданный ментальный конструкт, артефакт Запада, направленный на обоснование единственно верного магистрального пути развития западной цивилизации.⁴⁶

Распад колониальной системы, произошедший в послевоенное время, сокрушил миропорядок империй. Метрополийно-колониальная связь изжила себя. Этот разрыв был вынужденным, ибо метрополии, трезво оценивая свои возможности, во-первых, не смогли продолжать становившееся все более невыгодными экономические отношения, во-вторых, подпали под влияние разгоревшихся антиимпериалистических настроений внутри самих метрополий. Колонии же, почувствовав слабость, активизировали свои революционные резервы, дабы, наконец, освободиться от гнета эксплуататоров. Разумеется, резкая смена покровителей, как и любая шоковая терапия, дала незамедлительный эффект: колонии захлестнули националистические движения, к власти рвались всевозможные диктаторы, а междоусобицы раздирали политическое устройство. Так, Индия распалась на две страны (потом и вовсе на три), что было бы немыслимо при британском правлении. Было и еще одно следствие распада колониальной системы: произвольно проведенные границы между бывшими колониями, не учитывающие традиционные этнические расселения, особенно в Африке,

⁴⁶ См. об этом: *Говорунов А.В., Кузьменко О.П.* Ориентализм и право говорить за другого // *Международный журнал исследовательской культуры*, 2013. №2. С. 26 – 43.

вызвали целый ряд кровавых столкновений на этой почве, продолжающихся по сей день. Колониальная драма немного обнадежила империалистов, как бы показывая их противникам, что им удавалось сохранять стабильность на подконтрольных территориях хотя бы прошлом. Примечательно и то, что сродни миграции “белого человека” в Новый Свет, многие выходцы из колоний устремились на Запад. Какова их мотивация? В первую очередь, они хотели овладеть благами прогрессивной цивилизации в той же мере, что и само западное сообщество, раз такая возможность была им предоставлена. Глобализация, ставшая возможной благодаря империям, ослабляет границы между бывшими метрополиями и колониями. Прошло то время, когда население метрополии лишь опосредованно составляло портрет туземца как “Чужого” под влиянием стереотипического массового сознания империи. Теперь человек Запада должен встретить этого туземца лицом к лицу, на своей территории, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С точки зрения скрытого эволюционизма (отдельных выражений эволюционизма), активно исповедуемого европейцами, произошел переход от варварства к цивилизации: туземцы наконец-то осознали прелести западной культуры и стремятся всячески к ней приобщиться. И хотя они и пришли к этому просветлению несколько позднее европейцев, по тем или иным причинам, взаимное понимание культур не за горами. Но вот опять, слышны ноты европоцентризма. Запад прокладывает путь к чертогам цивилизации, Восток отстает от него и пытается догнать. Западное видение мира есть взгляд в будущее, восточное же мироощущение – оглядка назад. Однако случилось то, чего приверженцы европоцентризма совсем не ожидали.

3.3 Проблема “слепых зон” в понимании “Другого”

Как было упомянуто ранее, население бывших колоний начинает активно эмигрировать в метрополии. При этом память о тех временах, когда горстка

“белых” имперских чиновников управляла миллионами “цветных” подданных, осталась далеко в прошлом, суровая же реальность заключается в острой демографической проблеме западных стран. Продолжительность жизни рафинированных европейцев довольно высока, а многодетность не в чести, в угоду личному комфортному существованию, что закономерно приводит к “постарению” цивилизации в целом. Для не-западных культур, наоборот, характерна высокая рождаемость, но и высокая смертность, по причине трудных условий жизни и неразвитой системы медицинского обслуживания, что в свою очередь “молодит” цивилизацию. В качестве примера этой статистике, о демографической проблеме в современной Германии писал известный политик и публицист Тило Саррацин в своей работе под громким названием “Германия: Самоликвидация”.⁴⁷ А это значит, что этнический состав европейского населения изменится в любом случае, под напором энергичных, молодых мигрантов - вместе с этим трансформируются (пусть и не автоматически) и культурные ориентации. До момента непосредственного контакта с “Другим” сохранение толерантного отношения не являлось проблемой для европейцев. Иное дело, когда “Другой” силой вклинивается в западное общество. Секуляризованный Запад сталкивается с религиозным Востоком, который не приемлет индифферентность в этом вопросе. На этой почве возникает множество конфликтных ситуаций, из которых не-западные народы выходят с помощью универсального приема: ссылаясь на особенности своей культуры. Ключевой парадокс состоит в том, что они пришли на территорию европейцев со своими правилами и установками и даже не думают их менять или хотя бы адаптировать, под европейские стандарты. Мультикультурное общество дает серьезный сбой. Ведь по заветам эволюционизма “Другой” есть культурное прошлое западных культур, так почему же прогрессивные европейцы должны подстраиваться под него? Более того оказалось, что пришельцы не

⁴⁷ Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., Рид. Групп. 2012.

очень-то и стремятся жить как европейцы. Их базовые ценности идут вразрез с секуляризованной жизнью европейцев, их стремлению к индивидуализму, свободе личности. В противовес этому чужаки показывают чудеса сплоченности, групповой солидарности и взаимопомощи – давно забытые европейцами качества. И получается, что рыхлое и индифферентное западное общество оказывается слабее сплоченных чужаков - формируется мощнейший вызов всей европейской традиции. Западные империи, будучи магистральной силой цивилизационного развития, усердно проецировали свои культурные ценности на не-западные народы, вера в империю была фундаментом и легитимирующей силой данного процесса. То, что произошло сейчас, есть результат постепенного истончения духа западной цивилизации, сопряженный с потерей прочной идеологической основы ее существования. Шаткое состояние постмодерна дает возможность показать себя, пульсирующему энергией, Востоку. Ибо догматичная восточная культура, может быть и не столь прогрессивная, но, с другой стороны, она оказывается в состоянии показать свою твердость и решительность. В этом смысле вопрос эпистемологического соотношения Запада и Востока остается открытым. Глобализация, произошедшая как отдаленное следствие события империй, привнесла в мир серьезнейшую угрозу для бывших метрополий. Имперское предприятие можно оправдывать или критиковать, но игнорировать и полностью отказываться от него нельзя, ибо без него невозможно выявить причины современного противостояния цивилизаций. Следует признать существование “слепых зон” в образе Востока. В контексте проблемы “слепых зон” будет уместным упоминание исследования Рут Бенедикт и её книгу “Хризантема и меч”, где предпринимается попытка понять японскую культуру в весьма острой исторической ситуации.⁴⁸ Заказчиком этой работы выступало военное ведомство США. Мотивировано это было тем, что американские военные стратеги (как и непосредственные

⁴⁸ Бенедикт Р. Хризантема и меч. М., СПб. 2004.

комбатанты) в ходе столкновений с японцами в 1944 году оказывались в тупике, будучи не в состоянии понять мотивы поразительного упорства и жестокости своего противника. Массовые самопожертвования японских солдат, превосходящее западное представление об уровне патриотизма, отсутствие понятия о “неприемлемых потерях”, движение камикадзе, атаки укрепленных линий обороны с “бамбуковыми копьями”, повергали военное руководство американцев в шок. Противник был совершенно фанатичным, его действия, казалось, не поддавались разумному обоснованию. Собственно, на тот момент, японская культура и была такой “слепой зоной” для американцев. В конце концов, такого противника можно победить военной силой и техническим превосходством. Но вот что делать с ним потом? Можно ли спокойно оставить его в своем тылу, чтобы воспользоваться плодами победы? Можно ли договориться с ним о взаимно приемлемом распределении ролей? Дабы получить ответы на эти вопросы, Рут Бенедикт предприняла попытку изучения японской культуры, мотивацию её субъектов, их ценностные ориентиры. Такой подход к проблеме увенчался успехом, благодаря её исследованию, военная победа над японцами была достигнута, а послевоенное сотрудничество удалось наладить с гораздо меньшими потерями для обеих сторон. Этот пример наглядно иллюстрирует всю важность обозначенной проблемы. На сегодняшний день, такой “слепой зоной”, только уже в цивилизационном масштабе, является Восток. Во многом этому способствовала ориенталистская традиция. Она была работоспособной во времена колониальной системы, в “век империй” по той простой причине, что коммуникация метрополии и колонии осуществлялась на территории последней. Именно тогда возникла необходимость облечь невнятный ропот и протесты туземцев в специальную форму, приемлемую и понятную для жителей метрополии, создать образ “Другого” в массовой культуре, политической идеологии и, в конце концов, во всех сферах жизни империи. Жители метрополии читали памфлеты того же Карлейля, стихи

Киплинга, восхищались цивилизаторскими подвигами Родса, но непосредственно с “Другим” они не сталкивались. Новые вильсоновские принципы Pax Americana, глобализация и мир без границ меняют ситуацию коренным образом. Встреча с “Другим” происходит непосредственно в бывших метрополиях. Происходит знакомство со сравнительно небольшой, но очень важной сферой, где понимание обычными методами культурных кодов и моделей (ориентализм) оказывается невозможным. Причина – в существенном различии базовых мировоззренческих позиций, которые затрагивают саму идентичность коммуницирующих культур. Трудность в том, что мы вполне можем описать все особенности современного европейского ислама, но не понимаем, как может так себя вести человек, живущий в современном обществе (терроризм). Как можно в массовом масштабе организовать производство людей, которым совершенно не дорога их собственная жизнь и которые готовы нести смерть и страх множеству совершенно неповинных мирных жителей? Для человека современной западной культуры такое поведение совершенно противоречит всему нашему антропологическому и социальному опыту модерна. Внешним индикатором такого фундаментального непонимания выступает часто появляющееся теперь слово “фанатик”. Мы обозначаем таким образом человека с ограниченной субъектностью. Он не человек в том смысле слова, который в него вкладываем мы. Как появляются фанатики, как организовывается массовая пропаганда, почему подобные аргументы оказываются убедительны для некоторых людей — это отдельный вопрос. Его активно обсуждают политологи и специалисты в области пропаганды. Для нас же важнее вопрос о том, как вообще такое возможно — причем все чаще уже не для малограмотного иммигранта, но для людей, которые давно живут на территории западного общества и охотно пользуются всеми его социальными и техническими благами. Их “рациональность” выглядит для нас нагромождением предрассудков и очевидных ошибок. Как они допускают,

что ими до такой степени манипулируют? Именно такого рода “Другой” и выступает как “Чужой “ – “Другой”, инаковость которого не вполне позволяет нам распространить на него наши фундаментальные антропологические представления.

Человек Востока говорит вполне внятно и убедительно, в некоторых случаях даже более твердо, нежели западное общество, он отстаивает свою позицию и не собирается её менять. Запад и Восток по-разному аргументируют свою точку зрения, но в этой борьбе все чаще побеждает именно Восток, ибо его опорой являются ценности ислама, которым общество постмодерна, погрязшее в релятивизме, противопоставляет сомнительные ценности консюмеризма. Очевидно, что фаустовская культура постепенно проигрывает войну в области религиозных ценностей (ведь секуляризация жизни была одной из важнейших отправных точек культуры модерна) и не совсем понимает, как противостоять исламу. Политкорректный дискурс поражает политические институты западного общества, демобилизует их перед бытием “Другого”, ввиду чего они становятся практически бесполезными и неспособными защитить свои убеждения. Возникает именно тот случай, когда лишь одна сторона духовно разоружилась, а другая как раз таки основывается на нерушимых религиозных догмах. Запад теряет перед картиной массовой миграции, исходящей со стороны Востока. “Другие” приходят в Европу, диктуют там свои правила, обосновывая их своими личными ценностными установками, да еще и требуют общественность подстраиваться по ним – нонсенс для западного сознания. Что же делать? По крайней мере, признать то, что некоторые глубинные черты Востока на данный момент действительно являются слепой зоной для культуры Запада. Нельзя прекращать попытки установить диалог с “Другим”, но в какой-то момент становится не понятно, на каком языке этот диалог можно вести: либо на концептуально выстроенном и рациональном, хотя и все более прагматично-лицемерном языке Запада, или же пассионарном, но очевидно

не укладывающимся в пределы “человеческого” языке исламизма. Образ “Другого” с его культивируемой мультикультурализмом инаковостью все более заслоняет не стремящейся к диалогу и пониманию «Чужой». Рост националистических движений, активизирующийся в Европе, лишь усугубит конфронтацию. Длительное бездействие уже способствовало возникновению Исламского государства, вполне возможно, что еще одного такого террористического образования, духовные и экзистенциальные мотивы которого до сих пор остаются загадкой (особенно мотивы коренных европейцев, к нему присоединяющихся), Запад уже не выдержит. В связи с этим вспоминается, зачастую, замалчиваемый позитивный пафос идеи империи, указанный профессором К.С. Пигровым: *“Суть положительного начала в идее империи как раз именно в том, что она представляет мощный заслон разума на пути стихийной ксенофобии, национализма и расизма, обеспечивая свободное поле культуре”*.⁴⁹

⁴⁹ Пигров К.С. Империя как инновация, или императив империй// Вестник СПбГУ. 2007. С 10

Заключение

Учитывая цель и задачи, которые были поставлены во Введении, автор данной выпускной квалификационной работы пришел к следующим выводам:

Выводы из первой главы: Фундаментальные каноны империи, будь то экспансионизм, умение балансировать в общей политической структуре мультиэтнического сообщества или статус цивилизирующего лидера сохраняются с древнейших времен, примером чему являются классические образцы: империя Александра Македонского и Рим.

Выводы из второй главы: В эпоху Нового времени приоритеты империй несколько изменились. Момент экспансии и насильственного подчинения других народов уступает свое место культурному доминированию (хотя первое и остается одним из способов достижения последнего). Цивилизационное и культурное доминирование осуществляется метрополией над колониями и периферией посредством политики империализма. Метрополия создает образ “Другого” как “Чужого” - аутсайдера исторического процесса, за которого можно и нужно говорить.

Выводы из третьей главы: Глобализация изменила матрицу цивилизационной коммуникации. И если раньше метрополия распространяла свою культуру вовне, сталкиваясь с “Другим” в заморских колониях, то теперь “Другой” приходит в поле метрополии со своим разительно отличным видением мира, которое он все более настойчиво заявляет. Культурное доминирование Запада испытывает серьезные трудности ввиду непонимания дискурса Востока. Диалог Запада и Востока не продуктивен в первую очередь потому, что Запад формировал свое видение восточной культуры согласно предвзятой традиции ориентализма. Очевидна проблема “слепых

зон” в понимании Востока как самобытной цивилизации со своими ценностными установками и особенностями.

Что касается цели выпускной квалификационной работы и того главного вопроса, который был поставлен во введении к ней, то ответ на него был получен в параграфе 3.3: **“ Новые вильсоновские принципы Pax Americana, глобализация и мир без границ меняют ситуацию коренным образом. Встреча с “Другим” происходит непосредственно в бывших метрополиях. Происходит знакомство со сравнительно небольшой, но очень важной сферой, где понимание обычными методами культурных кодов и моделей (ориентализм) оказывается невозможным. Причина – в существенном различии базовых мировоззренческих позиций, которые затрагивают саму идентичность коммуницирующих культур. Трудность в том, что мы вполне можем описать все особенности современного европейского ислама, но не понимаем, как так может себя вести человек сегодня (терроризм) – для этого пришлось бы полностью отказаться от опыта модерна”**. Впервые за долгое время, встретив соперника, победа над которым, казалось, не вызывала сомнения, Запад пошатнулся. Сформированный образ “Другого” оказывается совершенно неактуальным при непосредственном контакте с ним в современной ситуации. Противостояние Востока и Запада вновь разгорается с новой силой и пока инициативное преимущество на стороне восточной культуры, не только по причине внезапности проводимой экспансии, но и ввиду своей вновь проявившейся “загадочности”. Вопреки мощной ориенталистской традиции, мы должны осознавать существование “слепых зон” в понимании Востока (если такое понимание вообще возможно) и пытаться преодолеть их с помощью конструктивного диалога. При этом серьезные трудности вызывают формы и способы ведения такого диалога, его язык. Империя по своей сути и была таким полем цивилизационного диалога, пусть и в весьма несовершенной форме. Империя есть встреча с “Чужим”.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., ЦентрКом, 1996.
2. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности. М., Азбука, 2000.
3. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье. М., Феникс-ХДС-пресс, 1991.
4. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. СПб., Наука, 2004.
5. *Гобсон Д.* Империализм. Ленинград, 1927.
6. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. М., 2006.
7. *Говорунов А.В., Кузьменко О.П.* Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследовательской культуры, 2013. №2. С. 26 – 43.
8. *Давидсон. А.Б.* Сесил Родс – строитель империи. М., 1998.
9. *Даллмайр Ф.* Империя или космополис: цивилизация на распутье // Вестник РУДН, 2006. №1. С. 5 - 26.
10. *Зотов С.А.* От миропорядка империй к имперскому миропорядку. М., 2005. Глава 1. Британская колониальная империя: взаимосвязи идеологии и организация управления (1850-1914).
11. *Кертман. Л.Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.
12. *Каутский К.* Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917.
13. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
14. *Ленин. В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС., изд. 5. Т. 27. М., 1962.
15. *Лал Д.* Похвала империи. Глобализация и порядок. М., 2003.
16. *Марченя П.П.* Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования. М., ИД Акад. Им. Н.Е. Жуковского, 2013.

17. *Макарова Н.И.* В погоне за цивилизованностью // Мир науки, культуры, образования №6. 2013. С. 496 – 500.
18. *Милль Дж. С.* Размышления о представительном правлении. СПб, 1897.
19. *Пигров К.С.* Империя как инновация, или императив империй // Вестник СПбГУ Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч.1. С. 3 - 12.
20. *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. М., Академический проект. 2003.
21. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. Пер. А.В. Говорунова. СПб. Русский Миръ, 2006.
22. *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. М., Рид. Групп. 2012.
23. *Филиппов А.Ф.* Наблюдатель империи // Вопросы социологии №1. 1992.
24. *Фуко М.* Рождение биополитики. М., 2010.
25. *Уколова В.И.* Империя: Исторический опыт Рима // Вестник МГИМО, №2. 2008. С. 1 – 12.
26. *Фергюсон Н.* Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., Corpus. 2013.
27. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.
28. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., Букинист, 1984.
29. *Carlyle Th.* Occasional Discourse on the Nigro Question // Fraser's Magazine. 1849.
30. *Raymond E. T.* The Man of Promise. London: T.Fisher Unwin Ltd, 1923.